

Утверждение о том, что Грозный называет Сильвестра в своем письме «вором власти», является недоразумением, основанным, вероятно, на неправильном толковании Н. Андреевым выражения Грозного: «Он же (т. е. Сильвестр, — Д. А.) возхитихся властью, яко же Илии жрец».²⁰ Однако «возхитихся» вовсе не означает «похитил», «украл». «Возхитихся» означает здесь: был опьянен, одурманен, «соблазнился» властью,²¹ был преисполнен восхищения, самолюбования своим величием, неблагодарно забыв, что получил власть из рук царя. Такова мысль Грозного по этому вопросу.

Надо сказать, что обнаружение Н. Андреевым этого мнимого противоречия приписки к Царственной книге и письма Грозного является единственным случаем сопоставления им приписок с письмами Грозного.

Между тем сличение всех политических приписок к летописи с письмами Грозного устанавливает прямое родство этих текстов. Рассказы первого письма Грозного и рассказы приписок к летописи по содержанию совпадают полностью. Изложение часто совпадает дословно, а там, где нет дословного сходства, ясно видна единая авторская манера — одни и те же краски, одни и те же мысли, одни и те же образы, одни и те же выводы.²²

Если учесть несомненную хронологическую последовательность появления изучаемых памятников: приписки к Синодальному списку — письмо Грозного — приписки к Царственной книге, то с установлением родства этих памятников предположение о принадлежности их разным авторам исключается. Из такого предположения вытекало бы, что сначала Иван Грозный, отвечая Курбскому, заимствовал наиболее важные сюжеты и манеру изложения из приписок этого другого автора к Синодальному списку, а зато потом этот другой автор, редактируя Царственную книгу, взял для своих дополнений все то новое, что было в царском письме сверх приписок к Синодальному списку. Иначе говоря, если считать автором приписок Висковатого, то придется допустить, что сначала Грозный списывал у Висковатого а потом Висковатый у Грозного.

Пересказывая приписку под 1553 г., Н. Андреев несколько раз обращает внимание на то, что такое описание событий является достоверным и может быть сделано только их очевидцем. Такая система суждения вообще представляется мне неправильной. Нельзя делать два таких заключения одновременно: 1) рассказ написан очевидцем, поскольку он достоверен; 2) рассказ достоверен, поскольку он написан очевидцем. Рассказ о «мятеже» 1553 г. независимо от того, кто его писал, является недостоверным, так как противоречит всем источникам и объективно засвидетельствованным фактам 1553 и следующих годов. Все эти источники и факты, вплоть до прослеживания судеб всех политических деятелей, фигурирующих во всех приписках обеих редакций, мною собраны и изучены.²³ Поэтому я не могу считать обоснованным, когда Н. Андреев, с высоты простого пересказа всего одной из приписок, пишет по поводу моего специального исследования «Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 года»: «Главная слабость концепции Альшица заключается в том, что он обращается к рассматриваемой проблеме довольно поверхностно, не обращая достаточного внимания на особенности приписок, и в частности приписки под 1553 г.».²⁴

²⁰ Там же.

²¹ Там же, стр. 307 (перевод Я. С. Лурье).

²² Д. Н. Альшиц. Иван Грозный..., стр. 268—276.

²³ Д. Н. Альшиц. 1) Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 года. — ИЗ, т. 25. [М.], 1948, стр. 265—292; 2) Источники и характер..., стр. 119—146.

²⁴ N. Andreyev, стр. 98.